

ТЕАТР

ЛИЦА НЕОБЩИМ ВЫРАЖЕНИЕМ...

Ленинградский Большой театр кукол в последние годы систематически гастролирует в Москве, пользуясь неизменным успехом. Я думаю, что в этом сказывается все более стабильная репутация самого жанра. Известно, например, как трудно попасть на спектакли Харьковского театра кукол, не говоря уже о Центральном в Москве.

Драматургия театра кукол — особый литературный жанр. Пьеса здесь пишется как режиссерский сценарий, и поэтому сказать до премьеры точно, какие эпизоды получатся, а от каких в процессе репетиций придется отказаться, никто не может, если театр каждый раз ищет принципиально новое пластическое решение, а не использует уже готовые приемы. Нужно обоюдное терпение — автора и театра в лице режиссера, художника, актера: На любую пустяковую ремарку драматург театра кукол должен получить «добро» всей постановочной группы, в том числе и на такую, как «закурил», «положил ногу на ногу», «печатает на машинке» и т. д. Автор должен помнить, что кукла не умеет есть, что ей трудно много говорить: вот уж где слово — на вес золота! Наконец, нужны мастерские, в которых бы работали альюбленные в куклольный театр поэты, наделенные технической смекалкой и чувством юмора, способные творить чудеса.

Я думаю, что подражательный период в театре кукол, когда все хотело походить на Образцова, сейчас завершается. И можно смело назвать уже несколько театров, которые избрали вполне самостоятельный путь. Один из

них — Ленинградский Большой. Восемь лет руководит им В. Сударушкин. Молодой режиссер считает себя учеником С. В. Образцова.

Однако даже в тех случаях, когда ленинградцы обращались к сказке А. Гайдара о Мальчише-Кибальчише или к русской народной сказке «По щучьему велению», они не использовали готовых пьес. Но если здесь все же было повторение самой темы, то афиша для взрослых и вовсе не знает примеров: «Несусветная комедия», «В 12 часов по ночам», «Похождения бравого солдата Швейка», «Ловите миг удачи», «Этим вечером случилось»... Надо сразу сказать, что впечатление от этих работ разное. Главным образом потому, что далеко не во всех можно принять драматургию. Иные остроты вызывают естественное чувство неловкости за авторов и театр, колы скоро они повторяют. Не всегда можно догадаться, в чем же тема и идея спектакля.

Играя днем для детей, некоторые театры кукол, в том числе и Ленинградский, считают необходимым по вечерам поддать для взрослых немного «жареного», чтобы они, не дай бог, не подумали, что попали на детское представление. (Есть же еще такие люди, которые всерьез считают, что театр кукол — только для детей).

Недоброкачество и ностальгия автора — вещь заразная. И вот талантливая актриса В. Киселева, теряя всякое чувство меры, так раскисливает бюст Домини в «Несусветной комедии», что мы уже не слышим, о чем она говорит: ведь глаза сильнее уха.

Справедливости ради на-

до отметить, что в работах для детей и прежде, и теперь Ленинградский театр кукол всегда был на высоте. И не только потому, что здесь ежегодно появляется один-два новых спектакля, но в потому, что ставят их так же тщательно, как и спектакли для взрослых, привлекая тем же актеров и художников.

Мне кажется, что в труппе этого театра нет премьеров. Конечно, кто-то играет лучше, кто-то хуже. Одни уже имеют почетные звания, другие пока не имеют. Но здесь трудятся люди, которые точно знают, чего они хотят. А хотя бы одного: интересно работать! И работают все на совесть, не покладая рук в буквальном смысле слова, если учесть, что в куклольном театре без рук действительно делать ничего нельзя.

Есть у ленинградцев свои особенности. Во-первых, они очень музыкальны. В такой степени, что на афише имя, композитора часто стоит рядом с именем драматурга. Все спектакли пронизаны музыкой, некоторые объявлены как мюзикл, музыкальное ревю, музыкальная сказка. Во-вторых, театр систематически саморазоблачается, то выводя актеров перед ширмой, то раскрывая ее, причем делается это не формально, а с умом, как, например, в номере с песней о свободе раба Псевдола в «Несусветной комедии», когда желание раскрепоститься достигает апогея. Если бы в этот момент ширма не раскрылась и мы бы не увидели, как легко и пластично вместе с куклой движется исполнитель, вряд ли был бы такой же успех, как теперь. Я видел в этой роли опытного В. Кукушкина,

и молодого В. Корзакова. Конечно, В. Кукушкин — актер редкостного дарования, абсолютно владеющей куклой. Дублировать его совсем не просто. Но то, что театр поручил это безусловно способному В. Корзакову, кажется мне совершенно закономерным со всех точек зрения.

За месяц до гастролей в Москву театр выпустил премьеру — «Похождения бравого солдата Швейка». Так как это последняя по времени работа, на ней следует остановиться особо. Тем более, что, с моей точки зрения, «Швейк» — не только последний, но и лучший спектакль наших гостей. Здесь в отличие от других в основу легла полноценная драматургия (роман Ярослава Гашека инсценировал И. Цинский). Пьеса четко выстроена, в ней нет случайных эпизодов и длиннот, которые порою так тормозят действие, что мы уже начинаем забывать, о чем же идет речь. Режиссер В. Сударушкин выступил заодно с художниками Д. Афанасьевым и Л. Боровенковой, с композитором И. Цветковым, от чего спектакль обретает особую целостность. В нем много актерских удач. И не только Швейк — В. Кукушкин, но и Лукаш — И. Альперович (в скобках замечу, что И. Альперович — замечательный актер театра), и Кац — А. Корзаков, и Ротмистр — В. Мартынов, и муж Кэти — Э. Драпкин.

В этом спектакле, как ни в одном другом, становится очевидным гражданский пафос театра, который не размывается на мелочи, на сомнительные остроты, а служит утверждению большой и благородной идеи. И так как «Швейк» — последняя работа театра, можно надеяться, что коллектив вступает сейчас в пору полновесной творческой зрелости. Так пусть же его смелые замыслы всегда будут поддержаны такими же смелыми и зрелыми решениями, как в «Швейке»!

Б. ПОЮРОВСКИЙ.